

Книга Платона Беседина «Дети декабря» (М.; Эксмо, 2017) может, пока и не стала сенсацией нынешнего литературного сезона, однако пользуется явно повышенным вниманием рецензентов. В наше время, когда критика писателям выдается «по карточкам», то бишь премиальным спискам, и то далеко не всегда – это уже признак значительного успеха.

Другое дело: тон откликов свидетельствуют о некоторой растерянности рецензентов – то ли их сбивает с толку подзаголовок «антивоенный роман», то ли опорные пункты, между которыми расположилось повествование (Севастополь, и вообще Крым, Одесса, Донецк и окрестности – сегодня это не столько география, сколько контурные фронтовые карты). Возможно, кружат головы цитаты из песен БГ – титульные «Дети декабря», затем следует «Стучаться в двери травы», опять ДД, а дальше прием обрывается лапидарной «Мебелью» и голливудским «Воскрешением мумий». Последний раздел «Красный уголь» вновь, по необязательной ассоциации, возвращает к Борис Борисычу – «если б каменный уголь умел говорить»... Попадают еще «дворники и сторожа, люди медитативных профессий». Тем не менее на цитирование поколенчески-субкультурных маркеров Беседин традиционно щедр (вспомним его прежние вещи – «Книгу Греха», роман «Учитель», сборник «Рёбра»), в чем неоригинален, но похвально последователен.

Могу допустить, что критиков смущает и форма вещи – явно не «романная» и не линейная, закольцованная не столько войной и фронтовой географией, сколько драматическим эхом между поколениями

и душевными вибрациями персонажей. Не роман, конечно, но и сборником «Детей декабря» называть неправильно. Видимо, всё-таки – «книга». Если бы я рассчитывал на нескромность писателя Беседина, обязательно предложил бы ему горьковский вариант – «Книга о русских людях». Можно при этом оговорить время и место действия – май-данные и постмай-данные Украина и Крым. Но можно и не оговаривать.

1

А конкретнее по форме – под обложку «антивоенного романа» сведены пять повестей, разных по объему и, что менее уловимо, – по жанру, хотя мейнстримовым остается микс внутреннего монолога с репортажем (иногда вроде по канве внешних событий, но как бы изнутри себя). Отсюда атавизм репортерской манеры, оборачивающийся сильным приемом – Платон целый куски подчас дает через действие в настоящем времени; практика для русской прозы нечастая. Чистоты эксперимента он долго не выдерживает (а вот у молодого Антона Чехова получалось, правда таких рассказов у него немного, и все короткие), но эффект присутствия, порой стыдноватого и страшноватого для читателя, Беседин создает умело.

Другой принцип сообщающихся сосудов еще занятнее. Персонаж, отработав своё в повести, где является центральной фигурой (инженер-холостяк Вадик Межуев; затюканный женой и депрессиями интеллигент Смятин; писатель со «шмелиными (вариант – брежневскими) бровями», в котором угадывается сам скромный автор), уходит в облако тэгов, чтобы быть вскользь упомянутым в новом сюжете. Симпатичная – не то набоковская, не то из мовистских вещей Катаева, реальность. Она выплескивается и за пределы повествования – так, на обложке книги наличествует весьма энергичный комплимент Людмилы Улицкой. Собственно, не сам комплимент провоцирует некоторое недоумение, а имя Людмилы Евгеньевны, в последние годы славное не столько литературой, сколько ярко выраженной политической позицией – «Детей декабря» можно, конечно, отнести к тексту «украинскому», но никак не «проукраинскому», да и Платон Беседин не ходит в записных либералах. Отгадка проста – Улицкая из того же облака тэгов: «Проснулось его (Смятина. – А. К.) книжное безумие. Как раскодированный, он принялся скупать книги со стикерами «-30%», «-20%», «-40%». То хватал их жадно, то, наоборот, долго рассматривал, принохиваясь и глядя. Моэм, Ким, Улицкая, Джойс, Андахази, Маккарти, Павлов, Майринк, Белов, Попов, Эллис, Ерофеев, Манро – в том, как и что он покупал, не было ни порядка, ни смысла, но сама эта хаотичность, взбалмошность покупки радовала».

Отметим, что авторов других комплиментарных выносов с обложки «Детей декабря» – Леонида Юзефовича и Романа Сенчина – в этом списке нет. Впрочем, Сенчина, неназванного, в книге Беседина и без списка с избытком, но об этом ниже.

2

Я с интересом отнесся к прозаику Беседину после первой его крупной вещи – упомянутой «Книги Греха». При всей ее комической комиковости, лабораторных страшилках, натужном физиологизме в сочетании с потешным менторством – роман подкупал свежестью, энергией

поиска и умением конструировать пусть аляповатую, но собственную художественную реальность.

А вот публицистика Платона – периода, натурально, украинского кризиса, крымской весны и войны на Донбассе – меня не привлекала, а подчас и утомляла – тем же самым менторством, уже никакой художественной задачей не обусловленным, лобовой подачей; драматизм внешних событий в качестве инфопова гулко отдавал внутренней пустотой.

Ничего страшного; такое бывает – и конфликт прозаика и публициста, «300 минут секса с самим собой» («Звуки МУ»), по-своему любопытен. Впрочем, именно публицистика, похоже, научила Беседина не бояться конфликтов и обострять их в любой удобной ситуации. По сути, основной смысл «Детей декабря» – еще один, и фундаментальный, конфликт между заявкой и содержанием. Читатель ждет от «антивоенного романа» рифмы «розы», то есть этой самой войны. А ее нет. Есть – в повести «Дети Декабря» фрагментарное, но впечатляюще точное описание Майдана и Антимайдана в Киеве на исходе 2013 года, когда Вадим Межуев на физическом (физиологическом даже) уровне приходит к простому и тяжелому выводу: поборники европейских ценностей да и сами случившиеся здесь же европейцы ненавидят русских только потому, что они – русские. Чех по имени Радо: «Руска империя ненавидеть Украину. Русе враг Украине. Триста лет. И Чех ненавидеть. Дед воевать с русами». (Кстати, а в каком качестве воевал чешский дед? Солдата вермахта, не иначе, а какие еще варианты?)

В «Воскрешении мумий» наличествует не менее яркий камбэк «крымской весны», но задним уже, растворяющимся фоном. «Стучаться в двери травы» начинаются домом, который одним из первых пострадал при начавшихся артобстрелах, затем идут описания быта лагеря донбасских беженцев, но и первое, и второе уместно рассматривать как метафору общей катастрофы и неблагополучия.

Словом, в «Детях декабря» Беседин никак не наследует Хемингуэю, Эренбургу и Прилепину, зато деятельно трудится в звонких подмастерьях у Романа Сенчина и в штудиях этих порой превосходит учителя.

Собственно, все повести, составившие «Детей декабря» (кроме первой, «Стучаться в двери травы», это компактный почти шедевр, продолжающий славную некогда традицию русской прозы и кинематографа о «военном детстве»), продолжают линии сенчинских городских текстов. Главным образом, явно недооцененного в свое время романа «Информация». Именно сенчинский герой – с его мучительными рефлексиями, семейными и служебными конфликтами, книгами, пьянством, блудом, музыкой, травмированной психикой в стадии полураспада личности, вызверившимся бытом, одолеваемый мелкими бесами и сатанеющими согражданами – размножился в повестях Беседина, в иных географических и почти аналогичных хронологических обстоятельствах. В процессе непоправимо отвратительного взросления, сопровождаемого, по Сенчину, – «геморроями», по Беседину – гипертонией и простатитом. Тоже метафоры.

И незатейливый вопрос – а является ли «война» катализатором и мотором этих физических и духовных хворей? Честный ответ – нет, и всего не спишет, разве что возгонит и укрупнит картину внутреннего разрушения. И то не факт – бесединские герои находят свою войну легко, как приключения на задницу, иногда со смехотворным, катастрофическим пережимом: «Вечером Смятин пошёл к морю, вычи-

тав, что оно лечит душу. Замёрзший, он бродил по пустынному берегу. У заброшенной воинской части на него бросились две лохматые псины. Сдавленный испугом, Смятин застыл, думая, что так твари оставят его в покое, но клацающие челюсти приближались и пришлось отбиваться камнями. Псы, завывая, скрылись. Смятин приехал домой окончательно испепелённый».

Тут уже не Сенчин, а практически Хармс: «Хорошие люди и не умеют поставить себя на твёрдую ногу». Или Чехов: «умер от двух болезней, столь распространенных в нашем отечестве: от злой жены и алкоголизма» – сказано как будто о нелепом и трагическом конце бесединского Смятина.

Впрочем, смешного мало: Беседин пугает страшно, одно из его писательских достоинств – в сильной социальной диагностике. С терапией хуже, и это не вина Платона, а общая беда. Единственный его рецепт – при распаде отношений внутри семьи и поколения выстроить заново горизонтальные связи: банальная нежность к детям, забота о стариках... Очень хороши совершенно неканонические воспоминания бабы Фени об оккупации на Брянщине («Стучаться в двери травы») и старика-фронтовика Якова Фомича об одном из сталинградских эпизодов («Каменный уголь»). (Вот только СМЕРШ как самостоятельной организации на момент Сталинградской битвы еще не было).

3

И еще один конфликт, который фиксирую ради объективности (и дабы помочь автору с редактурой при новых изданиях). Беседин учится писать от книги к книге – в «Детях декабря» эта работа заметна: стиль стал суше, метафоры реже и точнее, фраза короче и выразительнее. Однако инфантильное желание «чтоб было красиво» подчас прорывается досадными ляпами и корявостью: «вставляет в магнитофон рта»; «с чертяками секса в глазах девица»; «росло то дерево, вишни которого они превращали в истекавших соком-кровью больных». Особенно нелепо подобные обороты смотрятся на фоне таких чеканно-клиповых упражнений:

Мне кажется, что мы, крымские, выглядим старше, монументальнее, но случись драка – и донецкие переработают нас в уголь.

– Вениамин! – Нашего лидера приветствует косматый медведь в чёрном спортивном костюме с белыми адидасовскими полосами на рукавах. – Мы стартуем.

– Понял тебя, Иннокентий!

Мир определённо несовершенен, раз этого огромного человека с лицом будто сделанным из гипсокартона зовут Иннокентий.

Что же до эпитета «антивоенный» – он как раз на месте: снимает противоречие между географией и метафизикой. Пусть и вопреки авторскому замыслу. Но мало ли хороших книг появилось благодаря именно этому «вопреки».